

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Т.А. Демешкина

**МОДУСНЫЕ КАТЕГОРИИ В ДИАЛЕКТНОМ
ДИСКУРСЕ**

Учебно-методическое пособие

*Исследование проведено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
в рамках проекта № 13-14-70002
«Комплексное исследование категории авторизации
в томских текстах.
Разные дискурсивные практики»*

Издательский Дом ТГУ, 2014

Демешкина Т.А.

Модусные категории в диалектном дискурсе: Учебно-методическое пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. – с.

Пособие содержит методические комментарии и упражнения по разделу «Субъективные смыслы в предложении и тексте». Практический материал составили записи диалектной речи, сделанные томскими диалектологами и хранящиеся в лаборатории общей и сибирской лексикографии Национального исследовательского Томского госуниверситета. Теоретической базой данного издания послужили изыскания отечественных исследователей в сфере семантического синтаксиса, а также коммуникативной и когнитивной диалектологии.

Для студентов, преподавателей филологических факультетов высших учебных заведений.

Рекомендовано к печати кафедрой русского языка
филологического факультета Томского государственного университета
Протокол № 6 от 6 ноября 2014 г.

© Т.А. Демешкина, 2014
© Томский государственный университет, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Модусные категории изучаются в разделе семантического синтаксиса. Впервые в практике преподавания они были представлены в разделе синтаксиса в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой, вышедшем в 1981 году. Ею же написан и сам раздел «Синтаксис». Модусные категории рассматриваются в учебнике как «обязательные субъективные значения в содержании предложения». Таких значений, по мнению автора, выделяется три: предикативность, целеустановка, персуазивность [Белошапкова, 1989, с. 682–683]. Более подробно модусные смыслы описаны в учебном пособии «Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» Т.В. Шмелевой, которая расширила репертуар этих смыслов, придала им статус категорий, и, что особенно важно, предложила методику их анализа. Эта методика апробирована на достаточно большом материале в «Сборнике упражнений по современному русскому языку». Вопросы семантического синтаксиса включены в сборник упражнений по синтаксису. Вместе с тем, представляется необходимой дальнейшая разработка в теоретическом и практическом аспектах модусных категорий на материале не только литературного языка, но и на материале диалекта, являющего собой особую форму коммуникации, определяющей репрезентацию модусной и диктумной организации высказывания. В этом отношении предлагаемое пособие является продолжением учебного пособия «Семантические типы диалектного высказывания» [Демешкина, 2002], в котором проанализирована объективная семантика предложения. Предлагаемое пособие может быть использовано в качестве материала по спецкурсам по коммуникативной и когнитивной диалектологии, в общем курсе диалектологии, а также в курсах по семантическому синтаксису русского языка, включающего разные его варианты. Для практических заданий используются записи диалектной речи, хранящиеся в Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского Национального

исследовательского государственного университета, отражающие основные черты русских старожильческих говоров Среднего Приобья.

Специфика данного пособия состоит в том, что, во-первых, некоторые диалектные материалы публикуются впервые, во-вторых, в пособии особое внимание уделено анализу квалификативной категории авторизации, что обусловлено значимостью субъектного компонента в объективной и субъективной организации семантики предложения. Создание пособия будет способствовать развитию сопоставительного аспекта в изучении модуса. Кроме того, необходимость исследования диалекта имеет ярко выраженную культурологическую направленность, поскольку диалекты рассматриваются как часть русской речевой культуры, создаваемой представителями сельского населения.

1. МОДУСНЫЕ КАТЕГОРИИ В ДИАЛЕКТЕ. МЕТАТЕКСТ.

Коммуникация на диалекте имеет целый ряд свойств, составляющих ее специфику. Эта специфика достаточно отчетливо проявляется в сфере присутствия субъекта речи, определяющей модусные смыслы высказывания. Устная речь в целом характеризуется повышенной эмоциональностью, выраженной оценочностью, наличием большого количества эгоцентрических элементов. В своем пособии «Семантические типы диалектного высказывания» [Демешкина, 2002] мы отмечаем специфику речевой реализации некоторых типов пропозициональных структур: пропозиции бытия, восприятия, характеристики, а также особенности их взаимодействия в диалекте. В этом разделе мы рассмотрим актуализацию модусных компонентов в диалектном высказывании.

Под актуализацией модусных смыслов понимается вербальная выраженность той части семантического устройства предложения, в которой отражается субъективное отношение говорящего к предмету речи, к речевой деятельности, речевой ситуации, к объективной действительности, к участникам коммуникации.

Вслед за Т.В. Шмелевой, мы выделяем четыре типа модусных категорий, имеющих когнитивно-дискурсивный характер:

- метакатегории
- квалификативные категории
- актуализационные категории
- социальные категории.

В диалектной коммуникации в определенных ситуациях общения оказываются выраженными разные смыслы, составляющие данную категорию: метасмысл говорения, названия, коммуникативное намерение и речевой жанр¹.

---

¹ Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994.

На материале диалектной речи наиболее изученными к настоящему моменту оказались речевые жанры, что обусловлено наличием собственной системы речевых жанров в структуре сельского традиционного общения, а также специфики их воплощения. Проблема речевых жанров говоров среднего Приобья рассматривается в диссертационных исследованиях, статьях, монографиях (см. работы Демешкиной, Гынгазовой, Иванцовой, Волошиной, Казаковой). В работах анализу подверглись четыре типа речевых жанров: информативные, императивные, оценочные, этикетные (ритуальные), отличающиеся целевыми установками. К информативным жанрам относятся жанры, в которых реализуется цель запроса или изложения информации. Это прогнозы, воспоминания, уточнения, сплетни и другие. Императивные предполагают цель – воздействие на собеседника и включают себя приказы, просьбы, предложения, требования, советы, уговоры и т.д. Оценочные включают в себя похвалу, осуждение, неодобрение и другие. Этикетные жанры, призванные регулировать социальные отношения, включают в себя приветствия, прощания, угощения, потчевания, соболезнования, поздравления и многое другое. В диалекте, в отличие от системы литературного языка, нет жанра доноса, допроса, что определяется устной формой существования диалекта. В то же время функционируют этикетные жанры, отражающие ритуальную сферу.

В диалектной коммуникации функционируют комплексные и простые речевые жанры. Ядерными жанрами, выполняющими функцию трансляции культурной памяти, являются информативные жанры воспоминания и автобиографического рассказа, обеспечивающими передачу наиболее важной информации. Эти жанры, в свою очередь, могут быть описаны с опорой на целый ряд параметров, выделенных с учетом специфики условий коммуникации: характеристика участников коммуникации с точки зрения отправителя или получателя сообщения, цели общения и некоторых других. Наиболее полную модель описания предлагает Т.В. Шмелева, выделяя семь параметров: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата,

диктум, фактор прошлого, фактор будущего, формальная организация. Методика и образцы анализа отдельных метакомпонентов содержатся в статьях автора данного пособия, опубликованных в разные годы в разных изданиях и размещенных в приложении к данному пособию.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 1. Определите, функцию какого метакомпонента выполняет глагол «говорить» в следующих предложениях:

А я только сверьху тут-ка, тороплюсь, да о'споди, хоть бы только изде'лать бы... И проедет – "вот бутылка", я говорю: "Ну ладно, ладно, я бутылку поставлю тебе", говорю. Приехали, я говорю: "Лексе'й..." – "Да я шутил!" Я говорю: "Да ну, бери! Возьми, столько рядов мне подбил, слава богу (ЖР); Я не знаю, она говорила, что, гыт, подобью, мне её жалко же, она хле'шшется таку' беду, я говорю: "Чё ты?" (ЖР); Потом Казанцев капусту это, окучивал, и гыт: "Чья-то картошка там у берёзы, гыт? Ну, я гыт взял да проехал. Погля'нется – не погля'нется хозяину?" А я говорю: "Дак это же моя картошка-то". – "Ну, посмотришь, гыт, как". Ну, сёдня не день, да завтра не день. Так, свою уж выкопали, я говорю: "Поехали, если кто не выкопал, то вы'копам" (ЖР); Я говорю: "Ты, Коля, наверно, в дедушку Прокофия, он же у нас сердитый был". А то... царство небесное, грех, поди, говорить, а я говорю так, на него. А я говорю: "Ну, опе'ть не пил вино, а ты вино пьёшь" (ЖРСС);

В.П. А это, пололи вчара' Крошко' тоже, приезжали. Ну, гыт, в самый раз гыт, хорошо, гыт.

Г.Д. А вот гыт, говорят, хто проехал этим, фрезе'й-то...

В.П. Ну, говорят.

Г.Д. Там, гыт, говорят, вот такой этот, от так, гыт, как...

В.П. Ага, так, гыт, прям (ЖРСС).

Упражнение 2 Найдите в тексте компоненты, свидетельствующие о принадлежности текста к речевому жанру «Воспоминание»:

Я всё поминаю, Георгий Дими'трич: я садила, тапе'рь же везде садили картошки-то раньше. В та'льнике давали – ну, от така' от будет гряда', у меня как до садика, от така' будет, даже широ'ка, а коро'тенька така' была – ну, вот как до твоёго кирпича, может, така' будет, пласти'нка. Там соток пять ли сколь было, не знаю, не помню. Может, три было. А я приехала – на работе-то ить не отпускали... (ЖР); Жила я в войну на Алтае. Жили тижало. Мужа я сваво' не провожала, инвалид был. Жила с тремя дитями. Собирали гнилую картошку. Дитя'м овсянку варили. А сама трахмал соскребу с гнилой картошки и пью. Щас жить можно. Раньше чижало жили, но жили дружнее. Кто трудиться хотел, хорошо жил. Чижало пережили войну. С дитями пришлось сюда приехать, имя жить. (Шег. Мельн..)

Упражнение 3. Выделите в тексте простые речевые жанры:

Я-то [в]стану, от малю'сенька была – ну я ро'сла была, а, поди, семь лет ли сколько было, а... тя'тя будит, будит меня: "Вставай, вставай! Веру'нька, ремня дождёсья!" Я всё лежу. А потом [в]стану, воло'сья большу'чи, я завезу' от так руки [запускает пальцы в волосы] – вот я помню! – "Зазуди'лась тут-ка!" [говорит отец] Как сусе'дка разлохматилась. От уж там, – скажет, – Васю'тка ли Колю'шка с водой приехали, поливайте ступайте". Полива'м, таска'м, огурцы, капусту. (ЖРСС).

Упражнение 4. Определите, к какому речевому жанру относится следующий текст. Опишите его, используя приведенные выше параметры (коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, диктум, фактор прошлого, фактор будущего, формальная организация):

Работали, пахали, сеяли. До колхоза всё единолично жили. И корчевали. А муж у меня вот погиб, а я с троими осталась, ну так

вот я жила. Я вот сорок лет отработала и ничё не получаю. И вот так вот всю жизнь работала и работала, и вот нам и пайка сеча'с нет. Я работала сперва дояркой, потом сено возили на быках, потом на сеялку пошли. Сенокосилка жнёт, мы за ней всё бегали. И серпами тогда' ведь жали, и лён руками дёргали. Я и за свиньями ходила и чё только не делала! У нас тогда в колхозе один дед остался, а нам работать надо было. И тогда же нами больничных не давали. И молотилами мы тогда молотили, палка такая с цепью. И в колхозе мы тогда молотили. Ну-у, я в колхозе тогда много работала. Запрягёшь тройку, бывало, да и работаешь, везёшь по семьдесят километров пшеницы мешки. День и ночь работала, вот как детей растила. А тогда' чё зарабатывали? Тогда' двести рублей. Было по-старому. Приду с работы и иду в школу. А когда мы переехали сюда, я поступила в детский сад речпорто'вский работать. Я вот только года три-четыре не работаю, а то всё работала, пенсию надо было ведь заработать. Один сын у меня за границей работает, выучился, офицер. А другой в связи здесь, в Колпашеве, а дочь медсестрой детской. Кода' помогают маленько. Два мнука и три мнучки есть. Скотину держали: коров, овечки, были и кони, и свиней держали. Была конюшня, держала и корову там, а вторая была рядом, там вообще держала поросёнка и куриц, она тут у меня вместе все были. А в том же сарае держала овечку, только перегорожено было, чтобы корова не попорола их рогами. Ну, сарайчик был, где поросят держали. Коз не было. (Колп. Колп.).

Упражнение 5. Прочитайте в приложении статью С.В. Волошиной, Т.А. Демешкиной «Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи). Найдите в сборнике «Живая речь русских старожиллов Сибири» пример речевого жанра «Воспоминание» и «Биографический рассказ». Выявите общие и различающие их признаки.

2. АКТУАЛИЗАЦИОННЫЕ СМЫСЛЫ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Актуализационные категории отвечают «за привязку» объективного содержания к действительности в аспекте того, реально ли существует то или иное событие, и если оно реально, то в каком времени осуществляется. Актуализация диктума составляет грамматическое значение предложения, известное в грамматике, как предикативность. В набор актуализационных признаков входят: «лицо», «модальность», «время», «пространство»².

Относительно момента речи говорящий сообщает, кто является субъектом события, на самом ли деле оно происходит, когда и где имеет место событие. Специфика диалектной коммуникации заключается в большом количестве текстов, имеющих набор событийных пропозиций, поэтому в них присутствуют все названные компоненты. В то же время мы неоднократно отмечали в своих работах факт эгоцентричности диалектной речи, проявляющийся в том, что говорящий структурирует окружающий мир относительно себя. Оппозиция «свой-чужой» очень ярко проявляется в диалектной коммуникации, прежде всего в членении географического пространства. Одним из базовых пространственных и социальных противопоставлений является «город – деревня». Диалектная картина мира кардинально отличается от языковой картины мира, говорящих на литературном языке, прежде всего по параметрам времени и пространства. См. работы С.М. Беляковой [2], Г.В. Калиткиной [14], Н.В. Куриковой [15].

---

² Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 5. Определите, в чем заключаются своеобразие проявления категории лица в приведенных фрагментах текстов и чем оно обусловлено:

Мялка – куделю мяли, такая длинная и такая высокенькая. Вот куделю эту и мяли, конопля. Потом мяли, да и чесали плетками, нитки делали, раньше своё всё было. Это теперь хорошо вам. А мы – то сено косить, то коров поить, а потом опять берешь коромыслы да и поишь их. А теперь, как барыни, сидишь да и ничего не делаешь (Колп. Колп.); Пришли знакомые. Сказали: Ты, Наташа, завтра приходи в гости. Пошла не одна, пошла с подружкой. Приходим, а там два молодые человека. Сели чай пить. Я: «Нет, я ещё молода!». Но он стал ходить, по-настоящему сватать, ну и поженились. Про'жили мы с ним тридцать годо'в. А с фронта пришёл, три года по'жил и помер (Колп. Колп.); А племянницы мои двое вышли замуж. А своих я четверых ро'стила. Сын погиб на фронте. А со вторым мужем друзьябыли, с детства бегали, играли вместе, в пряточки. А потом у него жена померла, а детей у него было одиннадцать. Вот. Так вот я и одна теперь: восемь годов, как он помер. Воспитывала я их всех, воспитала. А нигде не работала, меня муж никуда не пускал. Свекровь хотела, чтобы я работала, а муж сказал: «Она с детства работала, хватит», не пускал. А муж у меня в пекарне работал, в Томске. Как пройдешь за Каменный мост, там магазины сеча'с, вот там и работал. А дома ездила на реку с отцом, промышляла налимов и других. Бывало отец скажет: «Наталка, надевайся потеплее, а коленки веревочками завяжи». А здесь у нас мачеха была, она-то ничего уж не купит, не. Она как хозяйка была, сердитая, важная. А живу сеча'с одна, значит (Колп. Колп.).

Упражнение 6. Охарактеризуйте пространственные и временные категории, определите, как отражается в них специфика диалектной коммуникации:

Так вот я и одна теперь: восемь годов, как он помер. Воспитывала я их всех, воспитала. А нигде не работала, меня муж никуда не пускал. Свекровь хотела, чтобы я работала, а муж сказал: «Она с детства работала, хватит», не пускал. А муж у меня в пекарне работал, в Томске. Как пройдешь за Каменный мост, там магазины сеча'с, вот там и работал. А дома ездила на реку с отцом, промышляла налимов и других. Бывало отец скажет: «Наталка, надевайся потеплее, а колени веревочками завяжи» (Колп. Колп.); Я – поехали мы полоть и подбивать. Приехали – там картошки от таки', и ботвы, трава така' же. Ну всё, да вытянулись то'нки-прето'нки. А Лексе'й Николаич, царство небе'сно, подбива'т со своим Сашкой с немым та'мо-ка, [неразб.] себе картошки – кому он подбивал, то ли себе, то ли кому ли? "Вера, вы поли'те, мале'нько пополи'те, гыт, а я проеду". Я скоре' тороплюсь-тороплюсь: он проедет, да на моёй же поста'ти-то ["участке"] завернё'тся, ну, метра два станет. Я тут – долго ли это подобью, а он так славно, так хорошо! Они насо'жены ровненько были рядочки. И он подбил. И вот... А тут мы руками там подбивали. То ли, может, земля така', ли кого ли – де он подбивал, там карто'шки лучче были. Лексе'й де подбивал. Угу. Он не трактором, а конём (ЖРСС).

Упражнение 7. Определите, какими языковыми средствами характеризуется в приведенном тексте «свое» и «чужое» пространство:

На Алтае жили, недалеко от Барнаула. Сирень там цвела, а здесь то'ко листья распускали. Грибные места там больше, тута груздя ни разу не видела (Шег. Бат. № 862) Гроза прошла, а в Инкино дождь прошёл, а здесь не шёл дожд; Да вот парень отслужил в армии, пришёл молодой, разбился. А то в городах-то мало разбиваются. Людей скоро меньше будет, чем техники... Вечером выйдешь, посмотришь – далеко свет стоит. Вот я сколько годов замечаю наши отсюда поедут сдавать, что учиться, ни один не проходит. И замечутся потом, то на швею, то на повара... Каждый себе дорогу полезный где-то, кто хочет работать. Все

работают. Я вот своих учил: в школу иттить. Поедешь в Колпашево (Колп. Инк. № 1018). По-городскому дорожки, а у нас половики. В городе зала, спальня, прихо'жа, а у нас горница, изба, сенки (Шег. Бат. 862).

Упражнение 8. Проанализируйте, как проявляется в данном фрагменте совмещение темы и ситуации текущего общения:

Ну и, грю, теперь будем ходить к ней, всё перегонять домой от её ограды. У неё там около ограды так сделано это, такой железный бак с водой, они как бегут, так сразу пить. И она сама взяла за поводок, Татьяна, подвела к калиточке вот через дорогу, сняла фартук мой... Меня фартук: "Давай, мол, это..." Постелила в калиточку, перевела корову – и всё, она с пастбища сразу повернула к нам! Вот, как вот до этого сарая, чё там, рядом мы жили. Всё, не пошла, и сразу повернула к нам. И ни разу к ним не... Ждёт, вы'дет, орёт, ждёт мать свою (ЖРСС).

3. КВАЛИФИКАТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Кваликативные категории в составе модуса включают в себя три группы смыслов, объединяемых функцией интерпретации объективного содержания. Маркирование информации как достоверной, а также указание на источник ее получения входит в кодекс речевого поведения, по законам которого говорящий должен сообщать только ту информацию, в достоверности которой он уверен. Если он сообщает информацию не свою, он обязан указать на автора сообщения (Шмелева Т. В). Оценка информации является факультативным, необязательным модусным компонентом.

В составе кваликативных смыслов значительное место занимает категория персуазивности, которая маркирует содержание высказывания в аспекте достоверности-недостоверности. Эксплицитное выражение получает семантика

неуверенности автора в правдивости излагаемой информации. Ядерными средствами выражения являются модальные слова с соответствующей семантикой (*кажется, вроде, может, наверно*). В диалекте круг этих слов достаточно широк. Он включает и общерусские слова, и диалектные, и просторечные, а также их варианты. Значимость этих маркеров для диалектной формы коммуникации заключается в том, что на них проецируется разный тип диалектного знания. В диалекте преобладает тип знания, полученный в результате наглядно-чувственного восприятия. В меньшей степени представлены знания, полученные путем логического обобщения. Это свойство диалекта проявляется в разных типах пропозиций, а также в присутствии разных показателей персуазивности.

Категория авторизации – это категория субъектного типа, она указывает на субъект чужой речи, либо маркирует информацию от первого лица. Для диалекта характерно максимально обобщенное представление источника информации (*говорят, люди сказывали, молва шла*), либо, напротив, максимально конкретизированное с названием конкретного лица. Достаточно частотным является цитирование и самоцитирование.

Основу категории оценочности составляет оппозиция смыслов «хорошо-плохо», выражаемых разными средствами языка. Диалектная речь «нагружена» оценочными смыслами, она эмоциональна и экспрессивна. В зону оценки попадают этическая, эстетическая, физическая, социальная сферы человеческой жизни.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 9. Охарактеризуйте квалификативные категории и назовите способы их выражения:

1. Меня посадили во 2-ой класс, а там такие же дураки, я просто не знаю... потом, говорит, ну ладно, пусть он, отцу сказали, попоколачивается, а у нас жила учительница и именно первого класса, а у ней был, как же ее фамилия.. Катаева Наталья Степановна. А у ней был сын Пашка, такой длинный мальчишка, а

дурак, ой-ой, во где бестолочи, и вот он как раз со мной и учился, ну балда. Она ему тысячу раз - ну ну, посмотри Васька чуть ли не в два раза меньше тебя ростом (а он длинный, видать отец был большим)... ну бестолочь просто удивительная, я знаете редко встречал таких бестолковых ребяташек, честное слово, обычно они как-то посообразительнее, а тут беда прямо...

2. «Мама ж мне рассказывала, с ними как-то попала на сенокос вместе вот такая парочка, и что он, что она, работать не хотят, а косить сено надо, корова дома есть все-таки, черт возьми, надо же сено накосить. И вот она все, говорит, утром пойдут косить, по росе, рано, до восхода солнышка. Светло, все пора, роса, еще мягко косится, косили-то так, а она: «Спи, Харитоныч, туча за тучей!», что вроде дождь».

3. «У меня был любимейший котёнок, звали его Мишкой. Мы с ним все время кашу ели вместе. Ложкой, хорошо помню, возьму ложкой, но бабка маслом помажет, как положено, коровье, естественно, и вот: «Ешь, Мишка». Сидит маленький котенок лижет, я жду, он полижет, я себе. Мама заходит, застаёт меня: «Опять котенка кормишь!» Я тут сразу хоть и держу у него, а она: «Опять котенка кормишь!» Я раз – нет, не кормлю вроде, и сам съел, это я хорошо помню».

Упражнение 10. Определите функции категории авторизации в речевом жанре автобиографического рассказа на примере следующих фрагментов:

1. Помню, когда умер Ленин, в 24-ом году, он умер 21-го января, да? Мне как раз должно исполниться 5 лет. Я прекрасно этот день помню. Потом че-то гляжу, по берегу кучка мужиков, бабёнки там одна-две, ну штук семь или восемь небольшие и несут какой-то флаг, красный по краям обшитый черным, это умер Ленин тогда. А я-то помню хорошо этот день, я вернулся домой спросил у папы, чего это там, какие-то там мужики шли и че-то такое значит по берегу флаг, кучка мужиков говорю по берегу, ну так относительно я не узнал, кто там такие были. А он говорит: "Это коммунисты шли хоронить, ну Ленин умер"; я мельком

слышал дома это имя Ленин, но я не знал конечно, что это за птица и кто он такой, откуда и как, этим же не интересовался никто. Ну Ленин, ну взрослые-то интересовались, а мы-то... вот это я помню.

2. Представьте себе, неграмотным не помню себя. Мне кажется, я всю жизнь умел читать. У меня была такая тётя Дуня, Евдокия она, сестра отца, она моя тетка, с нами жила, а семья была отец, мать, бабушка мать отца, старшая сестра, самая старшая, она давно умерла, брат старший, его еще в сорок втором убили, где-то, ну на войне, и я, и еще вот между нами девочка была, она умерла от болезни, я ее не помню, она до моего рождения умерла.

Упражнение 11. Найдите оценочные модусные компоненты. Какие виды оценок представлены в высказываниях?

Ой, потти' надо добивать [картошку], хоть норму... Сёдня дала себе – хоть бы дотти' до берега. Ре'дка, но така' прямо это... краси'ва. А тоже, де, вроде, большая, де маленькая... Вот така' вот... рядом вот така'; Ну и... хоро'ша коровка была у нас тоже! И та и друга' хоро'ша; Вот, Света Рассолова, она ведь тоже, чувашка – вредна', ёлки! Ну она [изображает, высоким голосом]: "От, вы раста'сбивате молоко, раста'сбивате; Хорошо, что девочка там, в её же комнате... говорит: "Ну-ка я померю" (сапоги). Померила – ей в самый раз. Она у ней их взяла. Ну и всё, рассчиталась. А та в панике, что... так-то они на вид хоро'ши. Ну кра...[сивые]... смотрятся хорошо. А та поносила неделю – у ней подошва отлетела. А там была не кожа, а картон был. Представляешь?; Раньше чижало жили, но жили дружнее. Кто трудиться хотел, хорошо жил. Чижало пережили войну (ЖРСС).

Упражнение 12. Систематизируйте средства выражения категории персуазивности в аспекте маркирования типа диалектного знания, полученного в результате чувственного восприятия или путем логического мозаключения:

[А по сколько надаивают?] Не знаю. Может, литра по полтора; Гена, наверно, так не ладит машину. С Валерой, дак он

непростой... так прямо кажется простой мужик-то: зашёл – меня цалу'ет прям! этот раз. "О-ой, я говорю, ты чё-то... Чё-то итступил'ся от меня"; Тамара до'ху тоже покупала у них, циге'йкову. Она её совсем и носить-то мало носила. И вот одна шукура попала кака'-то срыжа!. А сначала ничё была, чёрна, видно; Он какой-то.... как неживой какой. То ли пьяный ли чё ли, чёрт его знат. Ну как неживой сидит. Как я. И встаёт-то едва-едва, идёт – то ли... худо прямо. И они её (корову), она у них год или два пробыла и не покрылась в пастбище, они её, наверно, раз пятнадцать осеменяли, Зоя Таране'нкина замучилась осеменить её ; И там, наверно, тысяч десять, шеися'т кило'метров (ЖРСС).

4. СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Социальные категории отражают социальные отношения между коммуникантами, их возрастной и ролевой статус, официальность-неофициальность ситуации общения. Для диалектной речи характерна непринужденность общения, ролевая симметрия. В то же время значимым является возрастной параметр. В диалекте существуют свои этикетные нормы. Это проявляется в обращениях, в наименованиях. Уважительное отношение проявляется в назывании по имени и отчеству или только по отчеству. На противоположном полюсе находятся клички и прозвища.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 13. *В приведенных диалогах найдите обращения к собеседнику. Определите, в каких отношениях находятся коммуниканты. Чем обусловлен выбор именно этой формы обращения?*

Женя! Поздоровайся с тётей Катей, по ручке иди поздоровайся с тётей Катей. Иди суды! Поздоровайся; Я вчара'сь им говорила, –

была эта, как его... Лексе'й Михалыч, а она Валентина Григорьевна, – я говорю: "Вот видишь, как вот: мы работали, – говорю, – работали, – а кто нас чё шшыта'т, за чё работали?" Я всё время Николая [брата] жалею. Так работал, так работал, лет сорок, наверно, стажу у него, и в Москве был, "Ветеран труда" у него, у него и медаль, как назвать-то, Коль? Орден ли чё ли? Геворгий Дими'трич, а дрова-то плавил раньше-то?;

На', баба, у тебя в этом... в почтовом ящике лежало [подаёт буклет]. (ЖРСС).

Упражнение 14. Проанализируйте этикетные формы. В чем проявляется специфика речевого этикета в диалекте?

Сапры'гин, от ишь чё. А его прозвали Подлю... Подлю'га зовут. [За что?] Да а кто ё знат, не знаю. А они тоже собак едят.

Вера Прокофьевна Вершинина, 1909 года рождения.

Сергей Николаевич Вершинин, 1975 года рождения.

Женя Вершинин, 1995 года рождения (сын сестры С.Н.).

Ж. Дома-то я пил чай.

В.П. Молодец. Попил чай.

С.Н. Чё, готов?

Ж. Ну.

В.П. А "спасибо" кто будет говорить?

С.Н. Забыл?

Ж. Ничё страшного (ЖРСС).

В.П. Ну вот картинки, посмотри. Будешь чай пить, Женя?

Ж. Нет.

С.Н. А чё?

Ж. Да... Ну буду, буду.

В.П. "Ну буду, буду". Давай, садись. Пря-аник от есь... конфеты есь.... Садись, Серёжа! Селёdochка есь. Будешь? (ЖРСС)

5. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ С ТИПАМИ ПРОПОЗИЦИЙ

Модусные категории по-разному взаимодействуют с разными типами пропозиций. Диалектный текст формируется преимущественно событийными пропозициями: бытийными, характеризующими, восприятия, действия, движения. Так, отмечена связь бытийных высказываний и речевого жанра воспоминания, характеризующих и оценки и некоторые другие. Наиболее легко трансформируются в модусную часть высказывания с семантикой восприятия. Глаголы зрительного и слухового восприятия широко используются в фатической функции, функции привлечения внимания. Модус восприятия сопровождает тексты изобразительно-выразительного регистра речи.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 15. Проанализируйте диктумную и модусную сторону высказывания, определите специфику их взаимодействия.

1. Отец был чудотра'вник, семьдесят семь трав знал, к нему лечиться ездили. Мать чай запаривала, тоже из трав: листья малины, зверобоя, черёмухи нарубит и заварит. Люди раньше здоровые были.(862)

2. Свадьбы другие были, лучше. Сватали, запои были по 3-4 дня. Ходили из двора в двор. Пришли к семье за дочкой, засватали. С родителями познакомятся. Те смотрят – подойдут или нет. Согласны – не согласны. Затем в церковь. Тогда и сладко жили и горько, и не расходились.(Шег. Мельн.).

3. Раньше дружней жили. Едут на поле с песня'ми, с поля с песня'ми. Мои родители тожу хорошо жили. Мама у меня сальную лампочку зажат и сидит прядет всю ночь.(Шег. Мельн.).

4. Ушла убе'гом я замуж, ну родители не знали. Увёз он меня так. Привез, а дом у него сло'жен уже был. Не пондравилась я

свекрови: в холшовом была. Ну, беднота, да детей сколько было! Вино сидели сами, я к свадьбе высидела: пуд муки потратила, двадцать две бутылки высидела. А после свадьбы я нагнала бутылъ самогону, а милиция приехали и увидели. Ну и штрафу пятнадцать рублей нам. А где денег взять? Дак вот у его родителей бычок был, продали и заплатили (Колп. Колп.).

Упражнение 16. Найдите пропозиции характеристики. Определите, какие модусные смыслы проявляются чаще других при актуализации этих пропозиций.

Вот шипишник в лесу колючий, ягоды буры, полезный, всю жизнь готовили. Траву запаривают, когда вода скипит, варить нельзя, не каждая трава варится. А вот шипишник положу его в чайник, вот шас вода кипит, и я его положу, и я задумала чай попить, а его цвету-то нет, он ночь постоит маленько вроде бы забуреет вода, а на второй день завариваешь он есть как красная кровь сама вода получается, завариваю на третий день ишо красней того вода будет. Он же полезный от почек (Шег. Бат.).

Раньше же в Сибирь на каторгу ссылали, раньше жо здесь была непроходимая трощоба, лес. Это шас у нас так стало. В край болота раньше было. Это все жижа, жижа и жижа. Лес жо кругом, болота', а вут теперя расстроились, где что строит и вода заливаает, потошто здесь были болота (Шег. Бат.).

А по росе, роса утренняя. Утром встанешь, если большая роса – вёдра будет. А если нету, значит сухорос – дошш будет. Иной раз утром идёшь и туфли не намочишь – это сухоросье, воды нет на траве, значит дождик может пойти. Дошш когда идет и солнце – это к ненастью. Еще будет дошш. Примета большая, дошш в субботу идётдо обеда али после обеда, кода' дошш в субботу идёт говорит: «Ну до обеда», глядишь и правда после обеда нет и разведрится. Вот, например, зи'мня погода у меня знат снег – значит дошш будет, мороз – засушливое лето (Шег.).

6. ФРАГМЕНТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Из монографии: Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 95-107.

Жанровые формы речи диалектной личности

Жанровые характеристики высказывания зависят от формы речи (монологической и диалогической) и от особенностей ситуации общения (заданность / непосредственность). Монологическая речь представлена преимущественно информативными жанрами, диалогическая речь – императивными, оценочными, ритуальными.

Рассмотрим обе формы речи на материале языка диалектной личности – Веры Прокофьевны Вершининой, 1909 года рождения (далее: В.П.), жительницы с. Вершинино Томской области, носителя сибирского старожильского говора. Комплексное исследование языка диалектной личности осуществляется на кафедре русского языка Томского университета под руководством Е.В. Иванцовой, которой собран колоссальный материал, написан цикл статей, разработаны методы изучения языка диалектной личности, завершается подготовка к печати словаря языка диалектной личности. В предлагаемой работе использованы тексты, вошедшие в “Полный словарь сибирского говора” и в “Вершининский словарь”. На этом материале автор решает весьма скромная задача в контексте общего жанрового описания диалектной речи – показать возможные аспекты описания диалектной речи с точки зрения ее жанровой характеристики. Автор не претендует на полноту жанрового описания речи диалектоносителя и представляет лишь один из возможных аспектов такого описания в сопоставлении с другими.

Особенность монологической речи В.П. заключается в высокой степени диалогичности. Проанализированные монологи содержат обильную цитацию чужой речи, комментарии к ней, риторические

вопросы, обращения: *Ну, я вышла, поздоровалась с ём да стою. А я говорю: "Аксинью-то брали вы с собой? – Нет. А мне прямо жалко, правда, старушонку. Ну что бы взять с собой? Если время нет стоять продавать на базаре, – ну пусть она стоит.* Большая часть высказываний В.П. – это неспровоцированные высказывания, отражающие черты живой разговорной речи. Спровоцированные высказывания могут задаваться ситуацией, прямым вопросом. В спровоцированных высказываниях велика доля метатекстов, содержащих различные сведения о языке (мотивированности, синонимии, образности, речевом этикете и т.д.). Например: *Не просо'хнуто (сено). Вот выкосют его, а где кога'н, там живи'ка, жива' трава. Называли живи'ка; Ну вот осока есь и есть этот широкопёр - плохо сено. А он – широ'ки листья таки' широкопёр называется.* В жанровом отношении метатексты представляют собой сообщение новой информации. Возникают сложности с тем, чтобы разграничить высказывания, содержащие сведения о языке, и высказывания, содержащие сведения о предмете. Особенно это проявляется в контекстах, где речь идет о предмете и о названии этого предмета: *Вершит стог – вершильшишук. Зарод называется. Скирда хороша.*

Высокая степень диалогичности речи диалектоносителя обусловила особенности жанровых характеристик высказываний. В речи В.П. выявлено четыре типа речевых жанров.

Информативные жанры. В класс информативных жанров объединяются высказывания, в которых говорящий оперирует информацией. В речи В.П. отмечено несколько видов информативных жанров.

Бытовой рассказ. Мы поехали с Колей (на день рождения), а Аня не поехала. Скотина дома, да дети, да куды?; Они пришли, у меня мешчи'шки взяли, у себя, и всё сгребли да свезли ко мне домой. А чужие разве стали бы возить? Яркой приметой речи В.П. является наличие риторических вопросов, назначение которых состоит в активизации внимания собеседника, в вовлечении его в круг проблем. Риторический вопрос способствует усилению степени утверждения. Динамичность

повествования достигается за счет использования глаголов совершенного вида. Время, как правило, прошедшее.

Запрос информации. Запрос вызван желанием говорящего получить нужную ему информацию: *У вас, Георгий Дмитрич, не живут (ласточки)? Вы где были вчера'? Хочешь сварю (суп из сушеных грибов)?*

Уточнение информации основано на неуверенности говорящего в том, что он не сообщал имеющейся информации. *Я же вам рассказывала, как у меня картошки-то украли из погреба?*

Предположение выражается вводным словом *наверное* и представляет собой либо прогноз на будущее, либо свое видение событий прошлого: *Сёдня, наверно, тепло будет, спать хорошо, ветерок прохладно; Купаться, наверно, ходили.*

Оценочные жанры объединяются общей коммуникативной целью – выразить оценку какого-либо факта действительности. Объектом оценки диалектоносителя могут быть поступки (свои и чужие), качества характера и внешний облик окружающих, речь собеседника.

Приведем некоторые примеры реализации положительной и отрицательной оценок.

Похвала. *А вот это Де'на – зять. Хороший мужичо'нка. Не знаю, как он там, кара'хтером, а так работяга какой! Она-то ма'ленька, а е'тот вишь какой! У нас отец шибко мастер был. Вот растёт тоже (Серёжа). Наследник. Тоже такой он хороший мальчик! Всё знат. Прямо всё-всё делат. И чё надо и с воображением, всё делат, други' не делают, а он изде'лат.*

Неодобрение. *Плоха' девочка стала, по плохой пути' пошла. А была ма'ленька така' ра'звита, хоро'ша была девчонка; Раздребезжэно так всё, расколочено. Много набито, качками прямо. Раньше ре-едко стекло где увидишь.* Почти все оценки окружающих даны по принципу сопоставления, сравнения либо с окружающими людьми (жена – низкая, муж – высокий, дед мастер, и внук тоже все умеет делать), либо в сравнении с самим собой в разные временные промежутки (раньше – теперь). По этому же принципу оцениваются поступки окружающих людей. В

выражении оценки участвуют все средства языка. Лексические: наличие оценочной лексики, актуализация всех видов парадигматических отношений (синонимии, антонимии, отношений лексической и структурной мотивации), наличие слов-интенсификаторов. Словообразовательные: экспрессивные суффиксы (-яг-, -еньк-, -онк-). Синтаксические: наличие экспрессивных конструкций, повторы, интонация, употребление сравнительных оборотов и сопоставительных конструкций.

К информативно-оценочным жанрам относится в речи В.П. РЖ *жалоба*: *Ну и мы таки' вот. Работали, работали, а счас хоть бы кто-нибудь сказал бы: "Знашь чё, старушонкам привезти". Мы деньги отдали бы только привезли бы дровишки хоть бы. А то ведь и никто, вот заботься, ходи. А куды пойти? И никого не знашь тут-та. Плохо нам теперь жить, старым людям.* Основанием для таких жалоб служит невнимательное отношение со стороны "власть держащих" к нуждам пожилых людей. Говорящий предлагает свое решение проблемы, моделируя воображаемый диалог с лицом, имеющим определенные полномочия. Риторический вопрос и высказывание-обобщение направлены на то, чтобы вызвать сочувствие собеседника. *Комментарий чужой речи.* Н.Н.: *Стояли бы до сих пор! (бутылки). Ты бы давно их сдала.* В.П.: *Я говорю: Ну, давно не давно ли, тоже не принимали. Ну, конечно, может быть остались. Вот вишь кака!' Надо ей уколоть, что бутылки и то... Ну я же не брала, нигде не собирала, правда?* В.П. не принимает негативной оценки своих поступков и в свою очередь отрицательно реагирует на слова осуждения. Обращение к собеседнику за поддержкой происходит с помощью риторического вопроса и введением слова *правда*, предполагающим утвердительный ответ.

Отрицательная оценка речи собеседника выражается экспрессивной конструкцией (*Вот вишь кака!*) и лексической семантикой слова *уколоть* "болезненно задеть кого-либо, чьи-либо чувства колким ядовитым замечанием, насмешкой, уязвить".

Императивные жанры. Цель высказывания – воздействовать на адресата с целью выполнения им определенных действий. Императивные жанры классифицируются в зависимости от степени категоричности побуждения и от адресации действия. В выполнении действия может быть заинтересован только адресат, либо только автор, либо автор и адресат вместе. В соответствии с этим императивные жанры представлены набором разнообразных жанров. *Приказание (распоряжение): Иван, уйди отсюда. Я боюсь, как бы чего не упало; Тебе ешио' дали (тяпку), да него'дну. Хороша. Я люблю её. Иди, бери, хоро'ша тяпочка; Ну-ка, брысь отсе'дова! Чё ты заря'вкал - замя'вкал. Вон там есь у тебя питание, и ешь.*

Автор обладает правом отдавать распоряжение, так как в одних случаях оно адресовано лицам, значительно младше по возрасту, в других – животным.

Тем не менее, В.П. считает необходимым обосновать распоряжение, что смягчает категоричность высказывания. В.П. показывает целесообразность выполнения действия посредством указания на очевидные факты. В первом высказывании – выражение заботы о безопасности собеседника, во втором – указание на необоснованность капризов.

Требование. Встречается только при передаче чужой речи: *Вчара по телевизеру показывали. А там матери наехали и это... прямо говорят “Давайте наших детей обратно. Давайте! Зачем они служили, их ешо туда”.* Требование выражено повтором глагола *давать* в повелительном наклонении, что усиливает категоричность.

Просьба: Я говорю: “Саша, у меня там заноза ли чё, думаешь, чё воткнулось тако', посмотри, там чё-то больно”; *Ну, в общем, вы ей скажите... только надо...пусть она напишет, кода приедет, о то я вдруг, может, в город поеду; Людмила Геворгиевна, гляньте, кипит ли нет там. Если кипит, мешни'те маленько; Правда, воро'тчики оставили бы мне туды, полоть огород; Маруся, свяжи носки, ну чё долго ли носки связать?”.* Просьба выражается глаголом в повелительном и сослагательном

наклонениях. Если просьба – персональная, она сопровождается обращением. Подавляющее большинство высказываний содержат обоснование просьбы. В роли адресата просьбы выступают лица, в каком-либо отношении превосходящие автора: в социальном (адресат – преподаватель вуза, горожанин), профессиональном (адресаты – мужчины, обладающие комплексом навыков, не свойственных женщине). Часто просьба выражается настолько мягко, что переходит в просьбу-совет или просьбу-предложение: *Юра, там на берегу есь жерди, заправить, чтоб не упали. Мне кажется, ешо' надо там, вишь, крыша как осела.* Смягчение просьбы достигается за счет употребления глаголов в сослагательном наклонении, инфинитивных конструкций со значением желательности, уменьшительно-ласкательных форм существительных (*воротчики*), глаголов со значением однократности, указывающих на необременительность выполнения просьбы (*гляньте, мешните*).

Предупреждение. Встречается только при передаче чужой речи: *“А она, прям, Володя приезжает, её сын, и говорит: “Мама, отказывай кватера'нтов, а то тебе тысячу рублей штрафа дадут”; “Несите сюда. На проверку, а то там веса' не дадут”.* Отличительной особенностью реализации этого жанра является включение информации о последствиях невыполненного действия. Эта информация вводится союзной конструкцией *а то*. В этом состоит отличие РЖ предупреждения от РЖ распоряжения.

Совет. *Про рыбок расскажи. Про рыбок; Суху всё, замочите там, как ли там...; Мишенька, не кури! Не кури, не привыкай.* Жанр совета, также как РЖ предупреждения, предполагает, что действие, выполненное адресатом, производится в пользу адресата, а не в пользу автора. В отличие от предупреждения, совет не содержит информации о негативных последствиях невыполнения действия, то есть не сопровождается угрозой.

Предложение: *Чё еишо'-то я хотела? Чё-нить покормить чем. Фаршу у меня, поджарить им? Я его потаю; Может, меня поставит (председателем), я тоже часто бываю (на лавочке)...*

Давайте проголосуем. Действие совершается в пользу автора и адресата одновременно.

Уговаривание (упрашивание). Цель РЖ – убедить собеседника в пользе выдвигаемого автором предложения. В этом РЖ требуется проявление такого качества автора, как настойчивость. Уговаривание отличается от предложения тем, что позиции автора и адресата изначально не совпадают. В качестве примера жанра уговаривания приведем фрагмент разговора В.П. Вершининой со своим племянником (Н.Н.).

В.П.: *Посмотрим* (поросят), *давай купим*. Н.Н.: *Да не надо*. В.П.: *Да пошто' не надо? Она* (жена племянника) *пря́м добивается, вот ходила смотрела*. А.П.: *Хорошие поросятки. Они уж, наверно, едят всё?* В.П.: *Нет, я возьму. В коню'шину посажу, там у меня солома. Колюха, ты давай иди помоги мне! Да пошто не надо-то? Надо взять! Иди мешок ташиш' да возьмишь! Пойдём, Колюха, возьми́м.* В первой фразе выражено приглашение к совместному действию (*давай купим*). Говорящий намеренно объединяет себя и адресата, тем самым “провоцируя” его на покупку.

Для того, чтобы убедить собеседника, использованы разные виды аргументов: 1) аргумент личного примера (*я возьму*); 2) аргумент “апелляции к союзнику” осуществляется через указание на сильное желание (*пря́м добивается*) и попытки осуществить это желание (*ходила смотрела*) женой собеседника. Третий аргумент выдвинут незаинтересованным лицом (аргумент “со стороны”) и содержит указание на качество товара (*хорошие поросятки*).

После того, как аргументы исчерпаны, говорящий обращается к собеседнику с просьбой, как бы заранее предполагая, что тот согласен с его предложением (*давай иди помоги мне*). Поскольку собеседник демонстрирует несогласие, следует риторический вопрос и ответ на него, содержащий модус необходимости (*надо взять*). В последующей фразе автор отдает распоряжение, используя тактику явного давления на собеседника (*иди мешок ташиш*). Заканчивается диалог “на просительной” ноте – приглашение к совместному действию (*пойдем, Колюха, возьми́м*).

Таким образом, в ситуации уговаривания автор применяет разнообразные приемы убеждения. Это набор аргументов, имеющих разную силу, чередование тактик воздействия (“просительная” тактика сменяется тактикой “давления” и наоборот), используются риторические вопросы, обращения. Диалог имеет кольцевую композицию (начинается и завершается приглашением к совместному действию).

В результате анализа императивных жанров выявляются такие черты автора как осторожность, дипломатичность и вместе с тем настойчивость. Об этом свидетельствует репертуар императивных жанров (отсутствие в собственной речи наиболее “категоричных” жанров), а также наличие аргументации в том случае, если автор вынужден быть категоричным.

Коммуникативная цель этикетных жанров заключается в регуляции межличностных отношений. Общение с использованием средств речевого этикета происходит не всегда, а в традиционно выделяющихся обществом “пунктах обмена этикетной информацией” (см. работы В.Е. Гольдина). Выделены ситуации этикетного типа: знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, соболезнование и др. Эти ситуации реализуются в высказываниях этикетных РЖ. В речи В.П. отмечены РЖ приветствия, прощания, благодарности, пожелания. Приведены примеры. *Благодарность. А мне Коленька сделал (лавочку), царствие ему небесное, Николай Прокопич, братик; Дай Бог вам здоровья.* Благодарность выражена устойчивыми формулами пожелания, приемлемыми в той или иной ситуации. *Приглашение. Кушайте. Пейте; А потом эта же Гутя: “Пойдём, пойдём?” А я говорю: “Идите ко мне. У меня голубцы нажарены”; “Как она придёт, я говорю: “Поля, погрею чай?” Ну, думаю, плитка мота'т, согрею чай, она не будет пить. А я говорю: “Попей чайку, будешь, попьёшь?”* В РЖ приглашения отражается одна ситуация – ситуация угощения. Приглашение выражается глаголами повелительного и изъявительного наклонения, вопросительной конструкцией. Во втором контексте содержится обоснование приглашения, поскольку оно сделано в

противовес другому. Неэтикетной формой выражения приглашения является форма вопросительного предложения. Автор осознает нарушение норм этикета и комментирует выбор этой формы приглашения (большой расход электроэнергии). *Прощание и приветствие* осуществляются в речи В.П. в соответствии с этикетными нормами, принятыми в данном социуме.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что речь В.П. Вершининой является достаточно разнообразной в жанровом отношении. Об этом свидетельствует как количественный состав, так и качественные характеристики РЖ. В речи диалектоносителя отмечены элементарные и комплексные РЖ. Диалог с собеседником строится по законам того или иного жанра. В случае нарушения жанровых законов автор вводит соответствующие речевые моменты. Достаточно разнообразно представлены языковые способы реализации РЖ.

Автору речи свойственно сочетание корректности, дипломатичности и настойчивости.

Из статьи: Демешкина Т.А. Специфика проявления категории авторизации в диалектной речи // Севернорусские говоры от Архангельска до Камчатки: генезис, функционирование, тенденции развития : сб. науч. тр. I Международной науч.-практ. конф., Петропавловск-Камч., 12–13 ноября 2013 г. / под общ. ред. Н. Г. Ильинской ; КамГУ им. Витуса Беринга. — Петропавловск-Камч. : КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. С. 33-40.

Авторизация является одной из модусных категорий, формирующих субъективную семантику высказывания и шире – текста. Назначение данной категории заключается в том, чтобы актуализировать источник информации, а также способ ее получения автором текста.

Изучение статуса авторизации и ее места и роли в семантической и коммуникативной организации предложения осуществляется современной лингвистикой в разных направлениях с разных методологических позиций. Сам термин впервые встречается на страницах работ Г.А. Золотовой, которая рассматривает авторизацию сообщения в качестве способа осложнения моделей предложения посредством введения второго субъектно-предикатного плана. В частности, она пишет: «В предложении, соотносящее имя предмета с деадъективным именем признака, включается глагол восприятия или квалификации и указание на «автора» этого восприятия, определенный, неопределенный или обобщенный субъект» [1, с. 239]. Т.В. Шмелева, описывая семантическую организацию предложения, выделяет в модусе набор квалификативных категорий, включающих авторизацию, персуазивность, оценку. Исследователь придает авторизации статус категории, организуемой на содержательном уровне «противопоставлением свое / чужое, или авторское / цитируемое» [2, с. 90]. Сложнее обстоит дело с планом выражения, поскольку эксплицитным образом выражается только информация, не принадлежащая автору речи, полученная из различных источников. Т.В. Шмелева вводит также понятие авторизационного ключа, которое переводит авторизацию в разряд текстовых категорий.

Обоснование категориального статуса авторизации содержится в работе С.В. Гричина, который определяет авторизацию как категорию модусную, рамочную, имеющую функционально-семантический характер. Автор отмечает следующие признаки, формирующие специфику изучаемой категории: ее полевой характер, наличие эквиолентных и привативных оппозиций, парадигмальная организация семантических типов, разноуровневый характер средств выражения [3, с. 181].

В дополнение к выявленным признакам отметим, что в нашем представлении авторизация может быть квалифицирована как категория когнитивного уровня.

В работах Т.В. Шмелевой отмечается также взаимодействие авторизации с персуазивностью, обусловленное онтологической сущностью обеих категорий. Данное направление в исследовании феномена авторизации можно квалифицировать как семантико-синтаксическое. В рамках этого направления решается целый ряд вопросов, имеющих значимость для синтаксиса и связанных с проблемой полисубъектности, полимодальности.

Иной вектор изучения авторизации задается в рамках исследования категории чуждости. Н.Д. Арутюнова отмечает, что «концепция Другого ввела в фокус изучения следующие три круга явлений: 1) семиотизацию личности – ее речевых и поведенческих проявлений; 2) самопознание через диалогизацию внутреннего мира и превращение субъекта сознания в объект познания; 3) поляризацию своего и чужого (сферы Эго и сферы другого)» [4, с. 648-649].

Категория чуждости имеет когнитивно-дискурсивный характер и интенсивным образом изучается современной лингвистикой. Для некоторых дискурсов, в частности, для политического, диалектного, эта категория является базовой. Категория чуждости имеет разнообразные средства выражения на разных уровнях языка. В диалекте семантика чуждости выражается лексическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими средствами. Одним из способов репрезентации категории чуждости является чужая речь, изучение которой ведется в синтаксисе и стилистике.

В работах жанроведческого характера авторизация изучается в аспекте взаимодействия с метакатегориями жанра [5].

Исследование авторизации связано с анализом языка личности, а также с категорией персональности. Полевый характер организации этой категории на материале диалекта доказывается С.П. Петруниной [6].

Все названные направления объединяет внимание авторов к модальной рамке высказывания, а также попытки осуществить типологизацию субъектов по разным основаниям. Так, Л.Г. Гынгазова, исследуя чужую речь в языке диалектной

личности, отмечает, что автором чужой речи может быть «сам говорящий (в передаче диалога в изолированном употреблении, в вербализации ментальных процессов) и другое лицо (определенный, неопределенный и обобщенный автор)» [7, с.239].

Существенное значение для диалектологических исследований имеет, на наш взгляд, наблюдение С.П. Петруниной по поводу того, что ядро функционально-семантического поля персональности в диалекте составляют лексемы номинативного, а не глагольного характера, что обусловлено ситуацией непосредственного общения, в которой реализуется закон речевой экономии [6, с.184].

Таким образом, как показывает предельно краткий обзор работ, в которых в той или иной мере затрагивается проблематика изучения категории авторизации, сама категория может трактоваться в широком и достаточно узком смысле. Категориальный статус авторизации нуждается в дополнительной аргументации, требующей углубленного изучения.

Целью данной статьи является анализ реализации категории авторизации в диалектной коммуникации. Материалом для анализа послужили записи диалектной речи, сделанные в пределах одного сибирского говора (село Вершинино Томского района Томской области).

Записи фиксируют преимущественно диалогическую речь, поскольку «для диалога характерен эксплицитный модус. Он выражает либо пропозициональную установку говорящего, либо апелляцию к интенциональному состоянию адресата» [4, с. 660].

Авторизация понимается нами в логике работ Г.А. Золотовой и Т.В. Шмелевой, то есть как модусная категория, взаимодействующая с другими модусными категориями внутри высказывания и фрагмента текста и в то же время находящаяся на пересечении множества связей и отношений категорий и явлений другого уровня, представляющих внешнюю среду и проецируемых в диктумный слой семантики высказывания.

Информация, излагаемая от лица говорящего, как уже было отмечено, не требует указания на источник информации в силу его

очевидности. Вместе с тем, в диалогической речи присутствует показатель того, что автор излагает информацию от первого лица. Таким показателем является вводное слово «по-моему», отмеченное в Вершининском словаре 31 раз. Приведем примеры: *Зимой раньше, по-моему, не ловили, давно уже стали ловить; Ну, овраги, я не знаю, овраги – они, по-моему, везде есть; Так и этот, по-моему, Волошин, Вере Волошиной Толя* [8]; *Вот, по-моему, это недавно /кто-то сказал/, что надо вам к старушке, вот и все* [9].

Во всех приведенных примерах лексема *по-моему* является одновременно маркером источника информации и передает семантику предположения, неуверенности говорящего в достоверности излагаемой информации. Причины такой неуверенности кроются либо в недостаточной информированности говорящего по поводу того или иного факта, либо в том, что говорящий вспоминает давно прошедшие события, стершиеся в памяти. Наиболее частотным маркером авторской информации является глагол *говорить* в форме первого лица в сочетании с личным местоимением, употребляемый при передаче своей речи в ситуации, имеющей место быть ранее. Как правило, это моделирование диалогов с односельчанами, и лексема *говорить* маркирует смену реплик обоих участников диалога. В этой ситуации проявляется специфическая черта диалектной коммуникации, обозначенная В.Е. Гольдиным как наложение ситуации, которая воспроизводится в речи и ситуации непосредственного общения. Подобных примеров довольно много: *Физа говорила: «Скоро рожать будет». Я говорю: «Нет, она такая есь толстяча» (ВС); Он говорит: «Я у вас счас был». Я говорю: «Ну девки». – «Родня ваша? Я говорю: «Ну родня»* [10].

Глагол *говорить* используется в диалекте для обозначения источника информации, представленного максимально обобщенно или неопределенно: *Говорят, к худому, что она кукует, кукушка; И говорят, что родственникам нельзя нести /покойника/; Говорят, что когда вода прибывает, вверху дожди – сяды придут* [10].

Эксплицированное представление источника информации отражает две противоположные тенденции, существующие в диалекте как особой форме коммуникации: тенденцию к эгоцентризму и тенденцию к передаче коллективного знания, зафиксированного только в устной форме. Особенно ярко это демонстрирует функционирование лексемы *говорить*, передающей информацию либо о совершенно конкретном субъекте речи, либо о субъекте, предельно обобщенном, типа «старика говорили», «старые люди говорили» и так далее. Источником информации в современном мире является не только другой человек, но средства массовой информации: радио, телевизор, газета.

Обозначение способа получения информации осуществляется через пропозицию восприятия, имеющую специфику реализации в диалекте. Более подробно эта специфика описана в монографии Т.А. Демешкиной [11]. Поскольку основной вид информации – это информация, полученная перцептивным путем, то частотными являются глаголы с семантикой зрительного и слухового восприятия: *Ну и по радио тоже я слыхала... не по радио, а по телевизеру тоже; Я вот во сне вижу красну ягоду – к хорошему* [8].

Специфика диалектного диалогического общения заключается в том, что благодаря введению в текст информации, идущей от третьего лица, диалоги превращаются в полилоги, поскольку говорящий использует ее для выстраивания дальнейшего взаимодействия с собеседником. В анализируемом материале отмечено несколько когнитивных операций над вводимой в коммуникацию информацией:

Комментарий по поводу чужой информации, сопровождаемый оценкой: *А теперя че – у него ни звания, ни образования, а он козыряет этого директора: «А, директор такой-сякой, немазаный-сухой, я больше его знаю» – ну как же это так? Ну раз больше знаешь, ну ты будь директором, если больше знаешь* [8]; *Ага, полоть. Да уменя сыновья: «Папа, гыт, посади, мы, гыт,*

выполем и выкопам», Ну, а пожалуй, ниче из них не выйдет – ни выполоть, и не выкопать, ниче. Всем некогда [8].

Развитие чужой мысли (досказывание) и комментариев, сопровождаемый оценкой: *А все по радио передают: «Россия – это мы». Ешо бы подставили: «дураки». Всю Россию продали, и все! И куда годно это?»[8].*

Таким образом, изучение функционирования категории авторизации в диалектной речи предполагает обращение к анализу языковых средств выражения категории, в том числе, в аспекте их полифункциональности, синкретичности. Перспективным, на наш взгляд является обращение к анализу взаимодействия чужой и своей речи в диалоге, выявление типов операций с чужой речью при введении ее в коммуникацию.

Библиографический список

1. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.
2. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М.: МГУ, 1984.
3. Гричин С.В. О категориальной сущности авторизации // Сибирский филологический журнал. – 2010 – №2.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999.
5. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010.– № 2 (10).
6. Петрунина С.П. Функционально-семантическое поле личности в диалекте // Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 291.
7. Гынгазова Л.Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.

8. Иванцова Е.В. Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. – Томск, 2007.

9. Вершининский словарь. Т. 2. Г-З / Главный ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.

10. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006.

11. Демешкина Т.А. Теория диалектно высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.

Из статьи: Волошина С.В., Демешкина Т.А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 3 (19). 2012. – С. 14-20.

Жанроведение – относительно новое, но уже сложившееся направление в современной лингвистике. Речевые жанры сегодня изучаются в разных аспектах: когнитивном, риторическом, дискурсивном, лингвокультурологическом и других. Проблемы генетики решаются на материале разных языков и вариантов одного и того же языка: литературном, диалектном.

Речевые жанры, предполагающие некую устойчивую основу, отражают тот или иной фрагмент реальности, воплощенный в определенных языковых структурах. В зависимости от условий порождения, ситуации, человек использует уже готовые структуры, обладающие миромоделирующим потенциалом.

Несмотря на то, что в науке единого понимания речевого жанра не выработано, большинство современных исследователей сходятся во мнении, что речевой жанр обладает свойством моделирования и является полем реализации определенного спектра ценностей [1]. Таким образом, анализ речевого жанра позволяет выявить определенные ключевые концепты той или иной культуры и ценностную картину мира. Соответственно исследование миромоделирующего потенциала речевого жанра

предполагает обращение к когнитивной и дискурсивной парадигме анализа.

Цель данной статьи состоит в выявлении возможностей речевых жанров диалектной коммуникации в аспекте моделирования мира. Исследование проводилось на материале русских говоров Среднего Приобья, получивших комплексную лексикографическую обработку в трудах томских исследователей (более подробно см.: [2]).

Диалект представляет собой форму коммуникации, имеющую свою систему речевых жанров, отличающуюся в качественном и количественном отношении от системы жанров литературного языка и обнаруживающую специфические диалектные признаки.

Одной из важнейших функций диалекта как устной формы коммуникации является передача культурно значимой информации от одного поколения к другому, воплощенной в систему жанровых форм. Ядерными в этом отношении являются речевые жанры воспоминания и автобиографического рассказа.

Воспоминание и автобиографический рассказ – типичные для диалектной речи комплексные информативные речевые жанры. Оба жанра имеют ретроспективную направленность. В РЖ воспоминания информанты облачают рассказы о событиях как своего прошлого, так и прошлого семьи, страны и других событий, не касающихся их жизни. РЖ автобиографического рассказа – эгоцентричный, весь рассказ строится на воспоминании о себе и своем прошлом. Кроме этого речевой жанр автобиографического рассказа может включать повествование не только о прошедших событиях, но и повествование о современной жизни информанта. Безусловно, эти жанры характеризуются большим количеством общих параметров, и один жанр может включаться в состав другого. Однако наличие текстов воспоминаний, в которых преобладает информация не только о своем жизненном пути, представляет определенную сложность в идентификации жанра. В данном случае следует выделить ту или иную жанровую доминанту.

В анализируемом аспекте к жанру автобиографии относятся два типа текстов: 1) тексты, в которых преобладает автобиографическая

доминанта – это рассказы о своей жизни в настоящем и прошлом времени; 2) тексты, в которых повествуется о своей жизни, но включается часть воспоминаний.

Тексты, в которых доминируют воспоминания о тех или иных событиях и практически не содержатся сведения личного характера, мы относим к текстам-воспоминаниям. Ярким признаком речевого жанра воспоминания является наличие авторизационных показателей, указывающих на носителей информации: представителей старшего поколения, близких родственников: *«Старики рассказывали»; «Мама сказывала».*

Дискурсивный анализ исследуемых речевых жанров позволяет выявить определенный набор тем, раскрываемых в речевых жанрах, определить гендерные особенности в построении жанра, выявить характерные признаки. Анализируемые речевые жанры имеют устойчивую структуру с набором постоянных и переменных параметров и имеют общие и различающие их черты. Прежде всего, отметим, что речевой жанр воспоминания и речевой жанр автобиографического рассказа характеризуются определенным набором тем, которые могут быть одинаковыми для двух жанров. Так, в речевом жанре воспоминания раскрываются темы, касающиеся личной жизни информанта и глобальных, масштабных, социальных событий, происходивших не с ним, но имевшим влияние на его жизнь. Это могут быть воспоминания о войне, о политических деятелях, руководителях государства. Частотными являются рассказы о прошлом села, о празднованиях, развлечениях; о важных событиях в личной жизни (свадьба, рождение детей, сватовство), о посещении других городов, путешествиях, «выходах» за пределы "своего" (диалектного) мира, о социально-экономическом уровне жизни, о работе, воспоминания о человеке, о людях. В коммуникативный фокус попадают циклично повторяющиеся события, организующие деревенскую жизнь: покос, молотба, охота, рыбалка, заготовка орехов, обряды: *«Работали с малого до старого... Сам работал в трехупряжке. Лен дергали, хлеб вручную пололи, когда еще лет по*

7-8 было... Помню в 37-ом много хлеба: отец, мать, старший брат – все работали в колхозе...».

В речевом жанре автобиографического рассказа существует особый сценарий, фиксирующий набор тем: это сообщения о дате и месте рождения, о родителях, сестрах, братьях, о возможных перемещениях, переездах семьи, о событиях в личной жизни, о сферах деятельности, о детях, их судьбе, о жизни в настоящее время.

Гендерное описание речевых жанров дает возможность увидеть тематическую специфику, особенности жанрового структурирования, набор жизненных ценностей, гендерно маркированных. Мужские тексты характеризуются большей детализацией информации о работе, о войне, меньшая часть высказываний посвящена теме семьи. Женщины главным образом рассказывают о создании семьи, о жизни семьи, о работе. Их тексты содержат большее количество оценочных высказываний. Мужские тексты являются в большой степени фактологическими и характеризуются точностью за счет использования географических названий, дат с указанием года, дня, месяца того или иного события.

Миромоделирование проявляется в специфике самой коммуникативной ситуации. Рассказывая о том или ином событии прошлого, информант пытается его представить таким образом, будто это событие происходит здесь и сейчас: *«А потом, когда началась война, меня вызывают в контору и говорят: «Вот, девочка, ты пойдешь помощником капитана». Как мне эта профессия нравилась! «Ну что ж, - говорю, – пойду». И пошла к такому капитану» (Том. Колп.); «Мы с Гришкой спали, товарищи коммунисты пришли ночью, у нас подушки из-под голов повытаскали, вот раскулачивать так раскулачивать, я проснулся – какие-то узлы под головой, Гришка встал тоже, смотрим: подушки нет ни у него, ни у меня, ха! куда девалось? мама тут является, говорит: «А ночью коммунисты были ...» (Том. Первомайск).*

Происходит совмещение ситуации-темы общения с ситуацией текущего общения. В этом заключается одна из специфических черт диалектного общения [3]. Поэтому в текстах-воспоминаниях часто используются, перемежаясь, глаголы в форме прошедшего и в форме настоящего времени. Такое наложение временных пластов влечет за собой и пространственные совмещения.

Пространство и время – две важнейшие категории, воплощенные в исследуемых жанрах. Это координаты, в которых существуют человек и окружающий его мир, с помощью которых человек определяет свое место в мире, идентифицирует себя и «моделирует» мир во время рассказа.

Человек находится одновременно в пространстве и времени своей жизни и в «большом» пространстве и времени: в рассказах-воспоминаниях наблюдается переплетение индивидуальной и общей (истории страны) истории. Рассказ-воспоминание и автобиографический рассказ требуют постоянного переключения временных пластов: от настоящего к прошлому, от прошлого к настоящему, от близкого прошлого к более далекому прошлому (давно прошедшему). Такая смена времен обычно происходит через членение жизненного пути человека на временные отрезки, выражаемые посредством числительных, местоимений, наречий, существительных (*раньше, позже, тогда, сейчас, год, день, месяц, время, пора* и др.): «В сороковом году у меня девочка народилась, а через восемь месяцев война началась...» (Том. Бат.); «Ну пришла пора на пенсию уходить, а на пенсию не оформляют, стаж неполный...» (Том. Б. Яр).

В высказываниях используются не только лексические единицы со значением темпоральности, точные даты, обозначающие год, месяц того или иного события, но и различные описательные обороты с семантикой времени: «Уже после смерти маминой, дед к нам реже ходил...» (Том. Тогур); «Родился я и почти всю свою жизнь прожил в этом селе» (Том. Бат.). Мерилом времени могут служить события личной жизни говорящего: «В год, когда мне замуж выйти, я два куля смородины насушила и два сырой набрала...» (Том. Колп.).

Измерение времени осуществляется через общие события, значимые для всего социума, оказавшие влияние на ход жизни каждого человека: «Как началась война, меня послали в школу специальную, на командира учиться...» (Том. Никольск.); «Прожила я всю жизнь в колхозе этом, а в пятьдесят третьем году я ушла из колхоза, как Сталин умер, вот...» (Том. Б. Яр).

Для обозначения времени используются двойные номинации: точная датировка события и название праздника: «А я с пятнадцатого, мне вот семьдесят три исполнится двадцать первого ноября, в Михайлов день» (Том. Зыр.).

Г.В. Калиткина указывает на континуальную и точечную интерпретацию явлений действительности, переживаемых или уже пережитых индивидом. Исследователь отмечает, что «... в силу своей значимости для говорящего некие факты / состояния / феномены жизни, независимо от их единичности / повторяемости, интерпретируются как маркёры локализации во временном потоке, при этом ничем не отличаясь от собственно лексических временных маркёров» [4. С. 88].

Анализ категорий времени и пространства сквозь призму речевых жанров позволяет выявить способы структурирования мира в сознании диалектоносителей посредством членения на фрагменты с помощью временных маркеров избирательности запоминаемых и вновь переживаемых событий.

Особая концептуализация памяти является характерной для обоих речевых жанров. Все, о чем сообщает диалектоноситель, находится в ментальном пространстве – в памяти. Поэтому, выстраивая текст, информанты так часто используют глаголы «помнить», «вспомнить» и конструкции со словом «память». Н.А. Николина отмечает, что единицы семантического поля "память" в автобиографических текстах являются конструктивным жанрообразующим элементом. Эти единицы различны по характеру употребления и неоднородны [5. С. 39]. «Замуж вышла в таку же семью, плохо жила, как вспомню, так слёзы брызжут из глаз, сами текут, никто не просит...» (Том. Бат.); «Уж и не помню почто Марфой стали звать...» (Том. Бат.).

Жанрообразующим элементом единицы семантического поля «память» являются и для речевого жанра воспоминания: «Ссылных я помню, которы с отцом были, остались которы здесь, поженились и остались». Эти единицы и другие им подобные маркируют речевой жанр воспоминания (более подробно см. об этом [6]).

Дискурсивная обусловленность анализируемых жанров выражается не только на уровне тем, раскрываемых в речевых жанрах, и особой концептуализацией памяти, но и на уровне экспликации ценностной картины мира. Вспоминая прошлое, информанты сравнивают его с настоящим временем, в котором живут сегодня, подвергают оцениванию: «*Раньше работать негде было, и люди бедствовали оттого что работать негде, а сейчас совсем всё по-другому...*» (Том. Б. Яр).

Аксиологическая картина мира репрезентируется через использование сравнительных конструкций и сопоставительных структур, типа «Раньше ..., теперь», «Тогда ..., сейчас» и подобных им.

О значимости оппозиции «прежде / теперь» свидетельствует наличие большого количества диалектных вариантов общерусской лексемы *теперь*: *теперька, теперика, топерик, топерика, топерька, топерича, теперича, теперьча, топерича, ерича, топеричи, топерьчи, теперя, топерь, топеря*. На важность временного сопоставления для диалектоносителей указывает частотность употребления анализируемой лексемы. Так, по данным Вершининского словаря, лексема «теперь» в значении «в настоящее время, в данный момент» встречается 722 раза. Отметим также, что анализируемая лексическая единица и ее варианты функционирует преимущественно в речи старшего поколения, представляющего третий социально-речевой тип, характеризующийся как традиционный, (архаический) с наибольшим количеством диалектных элементов.

Идеальная модель прошлого мира является многопараметровой. В зону идеализации попадают объекты этической, эстетической, социальной, бытовой, профессиональной

сфер. Чаще всего в зоне осмысления оказываются нормы нравственного поведения (прежде всего поведения женщин): «Раньше реденька проступится, топерьчи распушены (о девушках)» (Том. Верш.); «А чё топерика: девки самокрутки, бабы простоволоски» (Том. Верш.). В сфере межличностных отношений объектом ностальгии является утрата семейных ценностей, традиционных устоев: «Раньше дружно жили, а сейчас. Отдельная квартира, а мира нету»; «Осподь! Раньше дружбы не было. Топерь ходют, сойдутся, вдруг и разойдутся» (Том. Верш.).

Эстетическому осмыслению подвергается речевая сфера. С этой точки зрения ныне существующий вариант наименования оценивается как более престижный в системе координат «культурно» / «некультурно»: «Ну, а раньше [бусы] звали «гагадки»... А теперича культурно назвали «бусы» (Том. Верш.).

В социальной сфере в качестве абсолютной ценности признается образование: «Это сейчас председатели...директора с высшим образованием, а тогда – два класса, да и все. И урожай было больше» (Том. Верш.).

В производственной сфере положительно оценивается техническое развитие: «Раньше ведь чё? Машин-то не было. Конь; запрягат коня председатель, и пошел по полям». Вместе с тем, в диалектном дискурсе постоянно отмечается, что улучшение в материальной, бытовой, социальной сферах не влечет за собой развития этической сферы. Причины неуспеха в профессиональной сфере диалектоносители объясняют утратой морально-нравственных качеств: «Сам народ избаловался, сам народ. Раньше народ был более, более-менее, как сказать?... и неграмотны были, но были скромнее, и умнее, и заслуженнее» (Том. Верш.). В первую очередь, это связано с изменением отношения к труду как основе бытия и высшей ценности: «А комбайны были «Коммунар» да «Сталинец». А теперь, язви тебя, вон каки комбайны, и хлеб не могут убрать (...) Мы могли работать... бросить работать в пять часов? До часу ночи, пока роса не упадёт. А теперь чё?» (Том. Верш.).

Прошлое оценивается информантом отрицательно в том случае, если говорящий испытывает его негативное влияние в данный момент. Как правило, речь идет о последствиях, связанных со здоровьем: *«Я босиком ходила, а от сейчас посмотрите, кака нога от. Эта вот уже опухает тоже, а это вот какая нога. Вот и детство, босиком ходили, не в чем было»* (Том. Верш.).

Часть высказываний являются безоценочными, нейтральными по отношению к оппозиции «раньше»/«теперь», в них фиксируется экзистенциальное отношение носителей диалекта к прошлому как невозвратно прошедшему, смирение с неизбежным ходом времени: *«Иногда вот раньше-то огуречики, помидорки продавали на базаре, а топеричи вот дома сидим»* (Том. Верш.).

Центральное место в ценностной модели мира, отражённой в речевых жанрах воспоминания и автобиографического рассказа, занимают работа, жизнь и связанные с ней нравственные, социальные и материальные ценности: семья, дом, материальный достаток, здоровье, молодость, отношения с родственниками и близкими людьми, отсутствие войны [7]. Анализ когнитивной специфики диалекта позволяет выявить, с помощью каких когнитивных моделей структурируется мир в сознании диалектоносителя.

«Работа» и «жизнь» – жанрообразующие концепты речевого жанра автобиографического рассказа и ключевые для диалектной культуры. Понятие «жизнь» структурирует рассказы о себе, жизнь делится на периоды, которые автор может сравнивать в процессе повествования. Осмысливая прожитую жизнь, диалектоносители рассматривают альтернативные варианты ее проживания, выстраивают иной жизненный сценарий: *«Я говорю, чтоб я щас оздоровела, мне тоё все дали в руки, я б еще лучше своих детей кормила. Как я тогда, я тогда не умела совсем, теперь научилась я. Еще жалею, что мало у меня детей, надо было больше, теперь жалею, надо было мне больше родить, а я мало, что четверо? У моёй золовки восемь, она выросила, и мне надо было хоть бы семь, хоть бы шесть, можа б другая доченька была, а то вот одна доченька, три сыночка, а доченька одна»* (Том. Первомайск.).

Поскольку неотъемлемой частью крестьянской жизни является труд, жизнь часто представляется в диалектной речи как понятие, синонимичное работе: *«Потом возвернулся с армии, опеть сюда же, в Баткат. Занялся своим хозяйством. Наша крестьянска жизнь – пашня» (Том. Бат.)*. В связи с тем, что труд занимает большую часть жизни, он становится образом жизни, а жизнь, таким образом, проходит в постоянной работе, ей посвящено иногда все время (*«работали по дню и по ночи»*). Н.В. Орлова при рассмотрении этики простого человека по данным «народных мемуаров» отмечает, что работа, труд – «не просто одна из моральных ценностей, но важнейшая смысложизненная категория. В многочисленных смысловых и речевых вариациях демонстрируется взаимопроникновение концептов «жить» и «работать» [8. С. 189]. Труд представляет собой ценность, поскольку работающий человек своей деятельностью обеспечивает себя и семью. Материальный достаток напрямую зависит от качества работы: как человек работает, так и живет: *«Народ-то хорошо стал жить, и мы в том числе, работали хорошо и жили хорошо» (Том. Б. Яр)*.

Таким образом, отметим, что речевые жанры отражают фрагменты действительности и обладают дискурсивной спецификой. Типичными для диалектной речи являются речевые жанры воспоминания и автобиографического рассказа. Их миромоделирующая функция выражается в особой концептуализации памяти, способах структурировании фрагментов действительности посредством тематических, композиционных характеристик и в экспликации ценностной картины мира диалектоносителей, моделируемой через концепты «жизнь» и «работа».

Литература

1. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Пе-ремена, 2004. – 340 с.

2. Демешкина Т.А. Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе. Итоги и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Филология. – №3 (15). 2011. – С. 31-38.

3. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Саратов, 1997. – 52 с.

4. Калиткина Г.В. Локализация в континууме прошлого в вершининском говоре // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Межвуз. сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 79-89

5. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 424 с.

6. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 190 с.

7. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 2 (10). – С. 5-10

8. Орлова Н.В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка): монография. – Омск: Вариант-Омск, 2005. – 266 с.

9. Вершининский словарь. Т.6: Р-С / Главный ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун_та, 2002. – 454 с.

10. Иванцова Е.В. Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. Томск, 2007. 104 с.

Из статьи: Гричин С.В., Демешкина Т.А. «Аппликативный потенциал когнитивно-дискурсивной модели авторизации» // Вестник Томского государственного университета. Филология. – №4 (15). 2014. – С. 31–38.

Методика базируется на понимании авторизационного блока как когнитивно-дискурсивной модели. Антропоцентричная природа авторизации проявляется в тексте в виде единого

комплекса субъектных компонентов речи (СКР, термин Н.К. Рябцевой). СКР, по Н.К. Рябцевой, это компоненты высказывания/текста, которые соотносятся с породившим его субъектом: «в субъектных компонентах речи, как ни в каких других, отражаются особенности речемыслительной деятельности и свойства «порождающего» их естественного интеллекта, ...что предопределяется тем, что субъектные компоненты речи представляют собой единый комплекс, обладают целым рядом объединяющих их отличительных и взаимосвязанных свойств, имеющих прямое отношение к сознанию говорящего, его личности, производимым им в текущем процессе общения мыслительным, речемыслительным и речевым операциям» [3. С. 380].

Субъектные компоненты речи обладают комплексом следующих взаимосвязанных свойств: метауровневости, синкретичности, конситуативности, интенциональности и супraseгментности [3].

Метауровневость заключается в противопоставленности субъектных компонентов речи объектным и фактуальной информации – ее интерпретации. Метауровневость авторизационного блока выражается в самом факте экспликации авторизационной конструкции, поскольку такая экспликация означает, что авторизованный объект, то есть тема авторизованного высказывания, уже была отрефлексирована субъектом, включена в его личную сферу, вписана в его личный контекст и актуализована в высказывании. Сам выбор авторизуемого содержания высвечивает личную сферу автора: его предпочтения, потребности, ход рассуждения. В то же время «субъектные компоненты не сводятся к эксплицитному модусу высказывания, они могут присутствовать в речи в неявном виде, имплицитно и синкретично» [3. С. 383].

Синкретичность предполагает способность компонента речи присутствовать в высказывании в неявном виде, и в рамках авторизационного блока проявляется в коннотациях и импликациях, извлекаемых из авторизованных высказываний на

основе анализа смыслового содержания текста, ее степень детерминирована характером общения в том или ином дискурсе. Так, если «в живой, естественной, непринужденной речи имплицитность СКР проявляет подсознательный, автоматизированный уровень выражения говорящим своего отношения к ситуации общения и составляющим его компонентам» [3. С. 383], то для научной речи свойствен «осознанно регулируемый» ее уровень, степень развернутости (и связанная с ней частота экспликации авторизации), что обусловлено действием фактора адресата, наличием сопоставимого уровня базовых знаний адресанта и адресата.

Конситуативность, понимаемая как осознание текущей ситуации общения, выражается в переключении фокуса внимания читателя с одного объекта на другой, введении и изменении ситуации общения. Таким образом, конситуативность АБ с наибольшей силой проявляется на границе перехода от одного АБ к другому, а также при смене авторизационного ключа. На уровне текста конситуативность очерчивает круг релевантных для субъекта компонентов текущей речевой ситуации (конситуации): источников цитируемой информации, количественный состав и содержание тем тексте, в рамках отдельно взятого АБ – в дискретности / недискретности описываемой ситуации, континуальности ее развития.

Интенциональность, выражающаяся в осмысленности, мотивированности и намеренности использования СКР, «коррелятивна ментальным процессам субъекта оценки, восприятия или констатации явления» [4. С. 100–101].

Отметим также экстралингвистический характер интенциональности, который напрямую связывается с интерпретативностью. Так, Серль пишет: «объясняя интенциональность в терминах языка, я вовсе не подразумеваю, что интенциональность носит по существу лингвистический характер... пытаюсь разъяснить интенциональность в терминах языка, я опираюсь на знание языка как на эвристическое средство объяснения [5. С. 96, 100–101].

Супрасегментность СКР, т.е. «их отнесенность ко всему высказыванию, его коммуникативному намерению, заключается в их способности передавать дополнительную, неявно выраженную информацию» [3. С.389], создавать дополнительные смыслы, семантическую ауру вокруг сообщаемого сегментными средствами.

Таким образом, наша гипотеза строится на том, что авторизационные конструкции как в научном дискурсе, так и дискурсе СМИ и диалектной речи должны реализовать весь комплекс смыслов СКР. При этом в научном дискурсе преимущественно эксплицируются ментальные процессы субъекта, связанные с обработкой информации, в дискурсе СМИ – оценочная его деятельность, в диалектной речи субъект представлен в ситуациях осуществляемого в данный момент непосредственного общения.

Значения авторизации (авторизационные смыслы) и способы ее языкового воплощения экстралингвистически обусловлены особенностями общения в соответствующем дискурсе. Интерпретация авторизационных смыслов проясняет авторский замысел и его стратегию, способствует пониманию смыслодержательной структуры текста. Последнее справедливо только в том случае, если адресатом верно интерпретирован текст в целом, а «читать интерпретацию текста адекватной можно лишь в случае отвечающего замыслу коммуникатора истолкования его основного коммуникативного намерения реципиентом» [6. С. 84]. Ключевой особенностью СКР в контексте нашего исследования мы считаем их связь со стоящими за прагматикой речи мыслительными и речемыслительными операциями, главными из которых являются «указание на фокус внимания, выделение главного, его актуализация» [3. С. 378]. Интерпретация авторизационных блоков через СКР позволяет выявить сложный характер их смысловой, прагматической, коммуникативной и когнитивно-дискурсивной организации. Ср.: «Не случайно, что целое направление в КН связано сегодня с решением проблемы

понимания текстов и извлечением информации из речевых произведений, дискурса» [7. С.43].

Успешное апробирование данной методики на текстах разной дискурсивной принадлежности может свидетельствовать как о гибкости самой когнитивно-дискурсивной модели авторизации, так и об универсальном характере проявления феномена авторизационной формации (авторизационного блока). Вопрос о включении авторизации в сферу внимания когнитивной лингвистики актуален постольку, поскольку «обращение к текстовым и дискурсивным данным обязательно и при изучении феномена созидания мира или конструировании мира с помощью разноструктурных единиц номинации, с помощью вариативных способов описания одного объекта или одной ситуации» [7. С. 18]. Изучение интерпретации авторизационных смыслов в текстах СМИ становится необходимым в силу того, что в современных работах отношения между коммуникантами в дискурсе описываются в плоскости их когнитивно-речевого взаимодействия, когда адресат является соучастником общения и активным интерпретатором речевых действий адресанта [2. С. 38-39].

Актуальность исследования категории авторизации в диалектном дискурсе детерминирована свойствами диалекта как системы коммуникации, характеризующейся собственной системой речевых жанров, спецификой когнитивной деятельности, метаязыковым сознанием, особенностями построения текста и некоторыми другими чертами, отмеченными В.Е. Гольдиным [8]. Одной из специфических черт диалектного устного текста представляется наложение двух ситуаций: ситуации непосредственного общения, осуществляемого в данный момент и ситуации, описываемой говорящим. Это свойство обозначено В.Е. Гольдиным, как совмещение ситуации темы и ситуации текущего общения [8. С. 29]. Как представляется, специфика проявления авторизационных показателей в диалекте обусловлена также диктумным содержанием текстов, в которых преобладают событийные пропозиции, отражающие эмпирико-событийный

характер диалектного знания в отличие от научного текста, в котором преобладающим является обобщенно-логический компонент. В силу отмеченных свойств диалекта как формы коммуникации выделенные нами авторизационные блоки проявляются в диалекте по-иному, нежели в других дискурсивных практиках. Субъектные компоненты речи, актуализованные в авторизационных блоках, отражают, с одной стороны, эгоцентрический характер диалектной речи, а с другой – диалогичность, предполагающей ориентацию на адресата.

Описанная нами выше когнитивно-дискурсивная модель авторизации и связанная с ней методика анализа авторизационных блоков основаны на идее о том, что помимо основного, («поверхностного») смысла, авторизационные конструкции несут и иной, импрессивный (аддитивный) смысл. Слияние основного и импрессивного смыслов авторизации, по нашему мнению, должно приводить к созданию полифонического, синкретичного, многомерного и интерпретативного сообщения. Отправной точкой в выявлении импрессивного смысла авторизации, очевидно, следует считать контекст, как речевой, так и дискурсивный. Если первый проявляет коммуникативное намерение говорящего, преобразует сообщение в коммуникативно-обусловленное действие (метакоммуникативный смысл утверждения, уточнения и т.п.), то дискурсивный контекст придает авторизации соответствующий дискурсивный смысл, в нем имплицитно присущая отдельно взятому дискурсу специфика.

Когнитивно-дискурсивный контекст бытования диалектной речи и дискурса СМИ генерируется интенциональностью адресанта, при этом внутритекстовое смыслообразование не сводится к кодированию содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, но содержит также элементы дополнительного, аддитивного, импрессивного смысла, который для адресата связывается с актуальностью введения авторизации. Интенциональность адресанта выражается прежде всего в его коммуникативном намерении. Важным свойством коммуникативного намерения является то, что оно представляет

собой интегральную характеристику высказывания, т.к. «связывает прагматическую (внешнюю) ситуацию и собственно коммуникативную, говорящего и адресата, прагматический (предметный) и коммуникативный / интенциональный смысл их взаимодействия. <...> И потому КН не только может быть выражено разными способами, в зависимости от ситуации, но и различными способами интерпретировано (*подчеркнуто нами – С.Г.*) [3. С. 414].

Следует отметить, что данная методика основана на принципах анализа дискурса, воплотивших в себе «общую направленность исследования на многостороннее, комплексное изучение сложного многомерного феномена языкового общения» [2. С. 12].

Таким образом, интерпретация выраженных в авторизационном блоке (АБ) аддитивных смыслов (под АБ будем понимать маркированные авторизующей конструкцией дискретные текстовые единицы (отрезки текста), эксплицирующие компоненты его коммуникативно-информационного и прагматического (интенционального) содержания) заключается в том, чтобы выявить комплекс смыслов описанных выше СКР. Важно подчеркнуть, что выраженные в АБ смыслы взаимосвязаны, взаимообусловлены и синкретичны, поскольку «язык опутывает мир паутиной интерпретации, создает систему символов, в которой каждому обозначаемому явлению *придается целый ряд смыслов* (*подчеркнуто нами – С.Г.*), имеющих разные и смешанные – когнитивные, регулятивные, экспрессивные и пр. назначения» [9. С. 119].

Далее рассмотрим возможности применения предложенных теоретических разработок в разного рода дискурсивных практиках. Проиллюстрируем использование данной методики на материале диалектной речи. (В целях корректности сопоставления разных дискурсов из диалектной речи взят текст монологического характера).

Я говорю, чтоб я щас оздоровела, мне тоё все дали в руки, я б еще лучше своих детей кормила. Как я тогда, я тогда не умела совсем, теперь научилась я. Еще жалею, что мало у меня детей,

надо было больше, теперь жалею, надо было мне больше родить, а я мало, что четверо? У моей золовки восемь, она выростила, и мне надо было хоть бы семь, хоть бы шесть, можя б другая доченька была, а то вот одна доченька, три сыночка, а доченька одна [10. С. 19].

Метауровневость авторизационного блока в приведенном примере обусловлена экстралингвистическими причинами: в нем передается культурно-значимая информация, воплощенная в одной из жанровых форм диалектной речи: воспоминании / автобиографическом рассказе, представляющими собой «комплексные информативные речевые жанры» [10. С. 15]. На более низком уровне обобщения, как нам представляется, в основе рассказа лежит метасмысл «сожаление», которое определяет наличие в данном АБ признаков речевого жанра «сожаление», то есть «я говорю» означает в данном блоке *я сожалею, что у меня мало детей.*

С метауровневостью данного АБ тесно связана и его синкретичность, поскольку речевой жанр «сожаление» относится к типу информативно-оценочных жанров, а в тексте содержится фактологическая информация, сопровождаемая эмоционально-оценочной составляющей. Метакомпонент *жалеть* в значении «печалиться, сокрушаться, сожалеть» повторяется в тексте несколько раз: (*жалею, что мало у меня детей, теперь жалею, надо было мне больше родить*). Рядом конститутивных признаков речевого жанра «сожаление» обусловлена и интенциональность данного АБ: осознание говорящим мотива своей интенции (к числу которых относятся недуг, возраст, поведение адресата или третьего лица, а в рассматриваемом случае – ситуация, которая, как считает говорящий, могла бы быть лучше при определенных условиях) порождает интенцию говорящего сообщить об этом адресату, вызвать сочувствие и понимание, а также сопереживание со стороны собеседника. В то же время отметим проявление в анализируемом тексте экзистенциального отношения к жизни носителем диалектной культуры, принятие ее как данности.

Говорящий не оценивает ситуацию как однозначно плохую. Он говорит лишь о том, что она могла бы быть лучше.

Конситуативность данного АБ также связана с комплексным характером сожаления, однако это комплексность иного типа, которая на макроуровне связана с выделением сожаления о малом количестве детей из числа других составляющих (для чего требуется вовлечение в анализ более крупных участков дискурса, что не входит в наши задачи в рамках данной работы), а на микроуровне – с разложением ситуации на смысловые составляющие: возможностью содержать большее количество детей (*я б еще лучше своих детей кормила*), приобретением навыков обращения с детьми (*теперь научилась я*), сравнением с количеством детей у других (*у моей золовки восемь*), мысли о желаемом количестве детей (*мне надо было хоть бы семь*).

Супraseгментность описываемого блока связана как с особой мелодикой диалектной речи, так и с формированием особой семантической ауры у фактологического содержания высказывания, складывающегося у адресата впечатления о говорящем: его социальной, возрастной, гендерной принадлежности и т.д.

Однако наиболее репрезентативные данные с точки зрения выраженности СКР в авторизационном блоке позволяет получить соотнесение признаков речевого жанра «сожаление» и «автобиографического рассказа». Так, если рассматривать этот АБ как элемент текста, обладающий содержательно-формальными признаками автобиографического рассказа, то в его рамках сожаление образует СКР конситуативности, поскольку органично вписывается в рассказ, реализуясь параллельно с рассказом о себе. С другой стороны, если исходить из смысла «сожаление» в рамках жанра автобиографического рассказа, то последний образует метауровень для оценочного жанра сожаления. Говорящий подвергает оценке прошедшую жизнь или какой-либо ее период, оценивая стратегию своего поведения на определенном этапе жизни как неверную, неправильную (и это плохо), приведшую к неудовлетворительному результату в настоящее время. По сути,

автор подвергает пересмотру свои жизненные установки и ценности, по-иному расставляет приоритеты, в то же время осознавая невозвратимость прошлого. Представитель крестьянской культуры выстраивает другой альтернативный сценарий жизни, сопровождая модусом возможности – мечтой о лучшей жизни. На языковом уровне это выражается наличием сослагательного наклонения, повторением частицы *бы*, а также наличием сопоставительных конструкций, основанных на противопоставлении лексем *раньше* и *сейчас*. В результате превалирующим компонентом текста становится эмоционально-оценочный компонент. Рассматриваемые в совокупности речевые жанры образуют СКР синкретичности, поскольку характеризуются общими жанрообразующими факторами: предметом и методом отображения, целевой установкой (функцией). Подобная интерпретация, основанная на выделении в смылосодержательной и коммуникативно-прагматической структуре АБ отдельных смыслов СКР, определяет глубину понимания целого текста, поскольку, как пишет Ван Дейк, «если, например, мы знаем, что текст, который предстоит воспринять, – рассказ, то можно активизировать имеющиеся у нас, применительно к нашей культуре знания о схеме рассказа. Это облегчит приписывание особых нарративных функций соответствующим эпизодам текста (*в нашем случае – АБ, прим. автора*) [11. С.129].

Таким образом, анализ устного диалектного текста – автобиографического рассказа, включающего в себя речевой жанр сожаления, свидетельствует о том, что специфика диалектной формы коммуникации обуславливает характер проявления субъектных компонентов речи, выделяемых в пределах авторизационных блоков.

Литература

1. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 240 с.

2. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л.Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
3. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
4. Тураева З.Я. Семантика художественного текста и модальность // Текстовый и сентенциональный уровень стилистического анализа. – Л., 1989. – С. 93–103.
5. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / Под ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова – М., 1987. – С.96–126.
6. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 232 с.
7. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
8. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Дис. в виде научного доклада докт. филол. наук. – Саратов, 1997. – 52 с.
9. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+, 2008. – 437 с.
10. Волошина С.В., Демешкина Т.А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
11. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В.В. Петрова. М., 1989. – 312 с.
12. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
13. Колшанский Г.В. Паралингвистика / Г.В.Колшанский. – М.: Наука, 1974. – 81 с.
14. Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. – Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2000. – 430 p.
15. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics: Concept Structuring Systems, Vol. 1 (language, Speech & Communication). – Cambridge: MIT Press, 2001. – 503 p.
16. Taylor, J.R. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 270 p.
17. Руденко А.В. Модификация оценки в дискурсе СМИ (когнитивно-прагматический аспект) Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. М.: МГЛУ, 2012. – 24 с.
18. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
19. Рыжова М. Культурный фронт // Суть времени. – 2014. – № 77. – С. 16
20. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 696 с.
21. Гуляр Т.В. Коммуникативные оценочные действия в иллокутивных и перлокутивных актах // высказывание и дискурс в прагмалингвистическом аспекте / Сб-к науч. Трудов. – Киев: КГПИИЯ, 1989. – С. 30–34.

22. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Изд.5 URSS, 2008. – 288 с.

23. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике: прикладная лингвистика. Вып. XII. – М., 1983.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Бат. – с. Баткат в Шегарском районе Томской области
Б. Яр – с. Белый Яр в Верхнекетском районе Томской области
Верш. – с. Вершинино в Томском районе Томской области
ЖРСС – Живая речь русских старожилов Сибири : Сб. текстов /
Е.В. Иванцова. Томск, 2007. 104 с.
Зыр. – с. Зырянское в Зырянском районе Томской области
Инк. – с. Инкино в Колпашевском районе Томской области
Колп. – г. Колпашево в Колпашевском районе Томской области
Неразб. – неразборчиво
Мельн. – с. Мельниково в Шегарском районе Томской области
Первомайск. – с. Первомайское Первомайском районе Томской
области
РЖ – речевой жанр
СКР – субъектные компоненты речи
Шег. – Шегарский район Томской области

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белошапкина В.А.* Современный русский язык Учебник для филологических специальностей университетов / В.А. Белошапкина, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. ; под ред. В. А. Белошапкиной. – М. Высшая школа, 1989. – 800 с.
2. *Белякова С.М.* Образ времени в диалектной картине мира. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. 264 с.
3. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
4. *Волошина С.В.* Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 5–10.
5. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Учеб. пособие для студ. гуманитарных специальностей. Саратов : ИЦ «Наука», 2010. 120 с.
6. *Гынгазова Л.Г.* Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. Томск. 2000. С. 230–238.
7. *Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В.* «Что такое плохо» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 5–18.
8. *Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В.* «Что такое хорошо...» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 12–23.
9. *Демешкина Т.А.* Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе. Итоги и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. №3 (15). С. 31–38.
10. *Демешкина Т.А.* Семантические типы диалектного высказывания. Учебное пособие. Томск : ЦПКЖК, 2002. 92 с.
11. *Демешкина Т.А.* Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
12. *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М, 1998.
13. *Иванцова Е.В.* Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. Томск, 2007. 104 с.
14. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002. 309 с.
15. *Калиткина Г.В.* Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 293 с.

15. *Курикова Н.В.* Экспликация категории "чуждости" в диалектной коммуникации (анализ семантики лексемы "там") // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук, проф. О. И. Блиновой, Томск, 9–11 ноября 2005 г. Томск, 2006. Вып. 3 : Языковые аспекты регионального существования человека. С. 423–427.
16. *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000. 193 с.
17. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис (текст лекций). Красноярск, 1988. 47 с.

Содержание

Предисловие	3
1. Модусные категории в диалекте. Метатекст	5
Упражнения	7
2. Актуализационные смыслы в диалектном дискурсе	10
Упражнения	11
3. Кваликативные категории в диалектном дискурсе	13
Упражнения	14
4. Социальные категории в диалектном дискурсе	17
Упражнения	17
5. Особенности взаимодействия модусных категорий с типами пропозиций	19
Упражнения	19
6. Фрагменты научных исследований	21
Список условных сокращений	58
Литература	59

Издание вышло в свет в авторской редакции.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 663 от 18.11 2014 г. Тираж 30 экз.